

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Поэзия В. Ф. Ходасевича: от символизма к неоклассицизму

Н. М. СОЛНЦЕВА

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА)

В статье исследуется становление неоклассицизма в поэтической практике В. Ходасевича, связь эстетических установок с мотивами его лирики.

Ключевые слова: эстетика, классицизм, лирическая поэзия, неоклассицизм, символизм, стихотворение, лирика, традиция, В. Ф. Ходасевич.

Первый поэтический сборник В. Ходасевича «Молодость» (1908) составлен из лирики 1907 г. Он вышел в символистском издательстве «Гриф». В книге доминирует этика декаданта: «Вокруг меня кольцо сжимается, / Вокруг чела Тоска сплетается / Моей короной роковой» (Ходасевич, 1982: 5). Его молодость не знает гедонизма, но знакома со страхами и одиночеством. Эстетизированы увядание и мертвенность. Минорность, недоговоренность, неудовлетворенность — цитаты из символистского поэтического словаря, эхо модных мотивов «праха и тлена», «гнили и греха» (Гиппиус, 1991: 89), «противочувствий тайны» (Иванов, 1976: 191), улыбок, что «в сердце вонзаются больно» (Белый, 1990: 81), забытого веселья и кельи, что «и тесна, и темна» (Сологуб, 1975: 195), «холодного полумрака, без звуков, без огня» (Бальмонт, 1969: 81), смирения, покорности перед «злым шумом негодования» (Брюсов, 1973: 132), предчувствия «последних, страшных слов» (Блок, 1960: 211). В «Прологе неоконченной пьесы» (1907), посвященном А. Белому, Ходасевич говорит о жертвенном пути поэта. В любовной лирике демоническое, иступленное сочетает-

ся с блоковским отношением к избраннице как к сестре.

Но душевная неприютность героя может быть расценена и как реакция на отношения с яркой, эксцентричной М. Рындиной — первой женой поэта (с 1905 по 1907 г.). При явной дани литературной моде в стихах есть искренность. Есть в «Молодости» и интерес к конкретике, поэтизация прозаизмов, внимание к отдельному слову — то, что со временем развилось в неоклассицизм. Так, в «Воспоминании» есть в духе мистического импрессионизма В. Борисова-Мусатова мир усадьбы, но есть и сближающийся с поэзией М. Кузмина мир повседневности: «топот бальный», «шеренги ровные кадрили», «крупный ливень», «кисейные оборки», «капли в волосах» (Ходасевич, 1982: 22, 23).

Следующий сборник — «Счастливые домики» (1914). Между первой и второй книгами произошли события, которые не могли не изменить эстетики Ходасевича. Он пережил смерть родителей; посетил Италию; женился на А. И. Чулковой (сестре поэта Г. И. Чулкова). Он был редактором издания сочинений И. Ф. Богдановича и А. С. Пушкина. Наконец,

он дружески сблизился с Б. Садовским, который видел себя писателем неопушкинского течения. Как вспоминал о нем Ходасевич: «Его истинные учителя не Бальмонт, не Брюсов — а Пушкин, Фет, Вяземский, Державин. <...> Можно, пожалуй, сказать, что Садовской — поэт более девятнадцатого столетия, нежели двадцатого» (Ходасевич, 1991: 430). Их творческая дружба имела далеко идущие последствия для развития в литературе Серебряного века неоклассицизма.

«Счастливым домик» знаменует переход к неоклассицизму, который противостоял символистской и авангардистской поэзии, как классицизм — доклассицистской и романтической. В. Жирмунский в 1920 г. писал о французском классицизме как классическом типе поэзии: «Классический поэт имеет перед собой задание объективное: создать прекрасное произведение искусства, законченное и совершенное, самодовлеющий мир, подчиненный своим особым законам. Как искусный зодчий, он строит здание; важно, чтобы здание держалось, подчиненное законам равновесия. <...> Момент субъективный при этом в рассмотрении не входит. <...> Напротив, поэт-романтик в своем произведении стремится прежде всего рассказать нам о себе...» (Жирмунский, 2001: 358–359). Закон композиционного, образного, интонационного, фонетического равновесия важен для Ходасевича. Но он не единственный в создании эстетики неоклассицизма. Ходасевич не идеализировал классицизм: к последней четверти XVIII в. классицизм представлял «педантичную, книжную, лишнюю живого идейного и эмоционального содержания» (Ходасевич, 1991: 148) школу («Дмитриев», 1937). Как неоклассицист, Ходасевич обратился к классицизму державинского типа. В статье «Державин» (1916) он писал об условности додержавинской лирики и о прочной связи творчества и жизни, даже быта в произведениях Г. Державина, что впоследствии проявилось в «Евгении Онегине». Кроме того, Ходасевич не умалял «момента субъективного»; Державин, по его мнению, был «первым истинным лириком» в России, «первым поэтом русским, сумевшим и, главное, захотевшим выразить свою личность такой, какова она бы-

ла, — нарисовать портрет свой живым и правдивым, не искаженным условной прозой и не стесненным классической драпировкой» (там же: 139). Далее: в отличие от ряда поэтов-символистов Ходасевич не сводил творчество к религиозному откровению или к теургическим амбициям, и это, судя по поздней статье «Богданович» (1939), имело прямое отношение к его восприятию русского классицизма, «исполненного римского, а не эллинского духа» (там же: 145): религиозное творчество лежало в основе греческого искусства, но было чуждо Риму. По убеждению Ходасевича, единственным поэтом екатерининского времени, имевшим подлинно религиозную жизнь, был Державин, но и в его поэзии Бог — Тот, Кто все объемлет, созидает и сохраняет, что отвечало установкам классицистов на государственность и просветительство. Поэзии самого Ходасевича трагичная религиозная рефлексия не свойственна, как и богоискательство.

На поэтический язык Ходасевича все же повлиял не классицизм, а стиль Пушкина. Впрочем, в Пушкине он видел продолжателя дела Державина. Он полагал, что Пушкин недооценил значения Державина, однако, как сказано в статье «Дмитриев», «в своем творчестве оказался продолжателем не карамзинско-дмитриевской, барской, сентиментальной традиции, но державинской, народной, реалистической» (там же: 150). Название книги «Счастливым домик» — цитата из стихотворения Пушкина «Домовому» (1819): «И от недружеского взора / Счастливым домик охрани!» (Пушкин, 1959: 80). Для Ходасевича имя Пушкина — знак русской поэтической традиции, творчество Пушкина являло непретенциозность образа, прозрачность стиля, оно пример, как сказано в «Колеблемом треножнике» (1921), гармоничного, «необыкновенного равновесия» логики и звука, изображения «предмета с целого множества точек зрения» (там же: 201).

Ходасевич придерживался критерия гармонической композиции образов в пределах текста, цикла, книги. Оценивая «Счастливым домик», Н. Гумилев как раз писал о гармоническом развитии мотивов, о большом внимании к композиции, правда, «при несколько-ва-

лой ритмике и не всегда выразительной стилистике» (Гумилев, 1991: 144). Однако «вялость» ритма и «невыразительность» стилистики, на наш взгляд, — суть специфики стиля неоклассициста Ходасевича: «Счастливый домик» характеризуют сдержанность в тропах при традиционности словаря метафор, мера в подборе эпитетов, отсутствие избыточности образов и их прозаизация, строгие рифмы, четырех-, пяти-, шестистопные ямбы и хорей, традиционные жанры (стансы, послания, элегии). Реальный мир принимается смиренно, нет экспрессивной чувственности, надрыва. Как исключение звучит стихотворение 1913 г. «Зима», в котором отчасти сказалась пережитая трагедия — почти одновременный уход из жизни его родителей в 1911 г. Отметим также: Ходасевич желал, чтобы при всей тяге к державинско-пушкинскому наследию его поэзию принимали как факт современности. Речь идет о неоклассицизме. В «Жеманницах былых веков...» (1912) мир «читательниц Ричардсона» в невозвратном прошлом (Ходасевич, 1982: 55).

В стихотворении с пушкинским названием «Элегия» (1908) Ходасевич по-пушкински спокойно принимает конечность собственного существования. В ряде стихотворений лирический герой открыт всем звукам и земли, и созвездий, он же поэтизирует домашний уют: «Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, дружок запечный!» (там же: 63) и т. п. Обращенность к реалиям и внешняя эмоциональная сдержанность объясняют, почему в «Счастливом домике» увидели бескрылость: «Душе отказано в счастье, иные крылья еще не проросли, она еще не может пытать своей крылатости» (Парнок, 1999: 105). Холодность вообще лирики Ходасевича — устоявшееся суждение: Ахматова «о стихах Ходасевича отзывалась очень сдержанно. Когда я спросил ее в упор: “Любите?” — ответила принужденно: “Есть хорошие стихи, но все это какое-то деланое, неоправданное”» (Лукницкий, 1991: 51). Но иначе понял приглушенную эмоциональность Ходасевича М. Волошин: «Голос глубокий, завуалированный, негромкий и прекрасный, западающий в душу верностью тона» (Волошин, 2008: 761).

Сколько бы ни говорили о холодности Ходасевича, в «Счастливом домике» была та субъективность, которая манила его в державинской поэзии. В экспрессивном женском образе запечатлены непростые отношения с первой женой: «Ты одета слишком нежно, / Слишком пышно завита», «Ты меня огнем целуешь», «Но горьких слов расслышать не могу / И языка теней не понимаю» (Ходасевич, 1982: 47, 48, 49). В последних стихах Гумилев усмотрел усталость и скептицизм: «Европеец по любви к деталям красоты, он все-таки очень славянин по какой-то особенной равнодушной усталости и меланхолическому скептицизму. Только надежды и страдания могут взволновать такую душу, а Ходасевич добровольно, даже с некоторым высокомерием, отказался и от того, и от другого...» (Гумилев, 1991: 144). Усталость, меланхоличность не исключают подлинной чувствительности. Кроме того, на тональность книги повлияло и увлечение Ходасевича Е. Муратовой, первой женой П. Муратова — автора двухтомных «Образов Италии» (1911–1913). Она — другая, «царевна»: «Хорошо, что в этом мире / Есть еще причуды сердца, / Что царевна, хоть не любит, / Позволяет прямо в губы / Целовать» (Ходасевич, 1982: 69).

С 1917 г. Ходасевич принимал участие в культурной жизни революционной России. Он, возможно, попытался жить как классицист — не противостоя, а созидая и просвещая. Его третья книга «Путем зерна» (1920; второе издание — 1921), как и вышедшая через два года «Тяжелая лира», — пример неоклассицизма в его развившемся, рафинированном состоянии. По выражению Шаховской, Ходасевич — «строгий мастер безо всяких там жеманностей и лепных ненужных выражений» (Шаховская, 1991: 249).

В названии третьей книги очевиден спор с Пушкиным, но только как автором «Свободы сеятель пустынный...» (1823). Книга открывается стихотворением «Путем зерна» (1917); поэт, следуя евангельской притче, пишет о предназначении собственном, страны, народа: зерно падет на благодатную почву, умрет и прорастет новой жизнью. Содержание книги философское, выраженное через предмет-

ную конкретику, в гораздо меньшей степени через лирическую рефлексию и чувственность. Так, в «Золоте» человеческие останки и погребенная с ними золотая монета осмыслены как будущие артефакты; этому стихотворению созвучно мандельштамовское «Нашедший подкову» (1923). В «Эпизоде» (1918) в предельно конкретизированном контексте (зимнее утро пятнадцатого года, комната с желтыми обоями, в ней книги, маска Пушкина, происходящее длится четверть секунды) описано состояние выхода за пределы своего я, ощущение своей бесплотности. Причем передано реальное состояние: «Со мной это случилось в конце 1917, днем или утром в кабинете» (Ходасевич, 1982: 256). Социальным событиям Ходасевич не дает политических оценок, революционные потрясения осмыслены как явления онтологического или экзистенциального порядка. Так, в стихотворении «2-го ноября» (1918) дана картина революционной разрухи, сдержанный трагизм передан через узнаваемые детали: «пробоины в домах», «сбитые верхушки башен», очереди у лавок, «битое стекло», «постаревшие женщины», «мужчины небритые», знакомый столяр красит гроб (Ходасевич, 1991: 25, 27). Деталь создает эффект подлинности. Этим же целям служит эпичность стихотворений «Путем зерна», в них развернута сюжетная ситуация, наблюдаемая со стороны. Такие стихи написаны нерифмованным разностопным ямбом, в них же Ходасевич прибегает к шестистопным ямбам без цезуры. Книга отражает интерес Ходасевича к непопулярным в XX в. метрическим решениям, к редким рифмам, к фонетическому рисунку, пример чему — стихотворение 1918 г.:

Сладко после дождя теплая пахнет ночь.
Быстро месяц бежит в прорезях белых туч.
Где-то в сырой траве часто кричит дергач.

Вот, к лукавым губам губы впервые льнут,
Вот, коснувшись тебя, руки мои дрожат...
Минуло с той поры только шестнадцать лет
(там же: 13).

В комментариях к стихотворению Ходасевич писал: «В основу метра положено “Ехеги

monumentum”». Диссонансы тоже взяты оттуда: “perennius — innumerabilis”» (Ходасевич, 1982: 246). На поэтику этого текста обратил внимание В. Вейдле: «Рифмам здесь не место. Они заменены... полурифмами с обязательными согласными, при обязательном различии гласных, что приводит к нежнейшему... созвучию. И как хороши в первой строке эти органичные а о о, о а о! Или эти певучие у, в четвертой и пятой, которых в первом трехстишии не было (кроме глухого, быстрого в конце второго стиха), после чего музыка умолкает в последней, как бы отодвигающей ее вдаль строке, в нейтрально звучащем распределении гласных (и согласных)» (Вейдле, 1973: 41). Использован и двустопный ямб: «Смоленский рынок» (1916), по мнению Ю. Тынянова, создан в традициях Пушкина и Баратынского, «в их манере» (Тынянов, 1977: 170). Итак, следование традициям ни в кой мере не означало отказа от сочетания классических и новых форм, поиска новых созвучий, индивидуальных ритмов, что в итоге и определит его известную позицию по отношению к «парижской ноте».

В 1922 г. в Москве вышла четвертая книга Ходасевича «Тяжелая лира», переизданная в Берлине в 1923 г. Тяжелая, потому что отразила груз переживаний, потому что творчество — «Дар тайнослышанья тяжелый» («Психея! Бедная моя!...», 1921) (Ходасевич, 1991: 41). Следование классике при сохранении индивидуальности предполагает тяжелый труд мастера.

В «Тяжелой лире» прозвучала тема корней — не кровных, но ментальных. «Не матерью, но тульской крестьянкой...» — о кормилице Елене Кузиной: «Она меня молитвам не учила, / Но отдала мне безраздельно все: / И материнство горькое свое, / И просто все, что дорого ей было» (Ходасевич, 1991: 39). Через кормилицу воспринята родина, которую он и любит, и проклинает. С Россией и кормилицей связано отношение Ходасевича к «волшебному» русскому языку: «Что сей язык, завещанный веками, / Любовней и ревнивей берегу» (там же). К месту вспомнить слова Н. Берберовой: «По возрасту он мог принадлежать к Цеху, к “гипербореяцам” (Гумилеву, Ахматовой, Мандельштаму), но он к ним не

принадлежал. В членах Цеха, в тех, кого я знала лично, для меня всегда было что-то общее: их несовременность, их манерность... что казалось иногда забавным, а порой и печальным анахронизмом и всегда носило печать искусственности. Ходасевич был совершенно другой породы, даже его русский язык был иным. Кормилица Елена Кузина недаром выкормила этого полуполяка» (Берберова, 1996: 165). Кормилица привила поэту тот язык, который он ценил в опять же «народной, реалистической» словесной культуре Державина и Пушкина. Декларируя свою укорененность в этой культуре, он иронизировал над амбициозностью символистов («Здесь, на горошине земли, / Будь или ангел, или демон») (Ходасевич, 1991: 44). Но он же высказывает — вслед за пушкинским «Эхом» (1831) — мысль о непонимании народом его поэзии: «И твердо знаю, что народу / Моих творений не понять» (там же: 43).

22 июня 1922 г. Ходасевич покинул Россию. В 1927 г. появилась его последняя книга «Собрание стихов», куда вошел цикл «Европейская ночь». В нем он подвел итог своей миссии в России и сформулировал свои эстетические принципы: «Привил-таки классическую розу / К советскому дичку» (там же: 63), «И каждый стих гоня сквозь прозу» (там же), «Умен, а не заумен, / Хожу среди своих стихов» (там же), «Люблю из рода в род мне данный / Мой человеческий язык» (там же: 65). Но в эмигрантской поэзии Ходасевича отчетлива устремленность не только к классицистской гармонии, но и к сюрреалистическим, экспрессионистским «какофоническим мирам» с «зиянием разверстых гласных», «толпой согласных» (там же). Пожалуй, как компенсация в 1931 г. вышла его проза «Державин», в 1937 г. — книга «О Пушкине».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бальмонт, К. Д. (1969) Стихотворения. Л. : Советский писатель.
 Белый, А. (1990) Соч. : в 2 т. М. : Худож. лит-ра. Т. 1.
 Берберова, Н. Н. (1996) Курсив мой : Автобиография. М. : Согласие.
 Блок, А. (1960) Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Худож. лит-ра. Т. 1.

- Брюсов, В. (1973) Собр. соч. : в 7 т. М. : Худож. лит-ра. Т. 1.
 Вейдле, В. (1973) О поэтах и поэзии. Paris : YMCA-PRESS.
 Волошин, М. (2008) Собр. соч. М. : Эллис Лак. Т. 6. Кн. 2.
 Гиппиус, З. Н. (1991) Соч. : Стихотворения. Проза. Л. : Худож. лит-ра.
 Гумилев, Н. С. (1991) Собр. соч. : в 3 т. М. : Худож. лит-ра. Т. 3.
 Жирмунский, В. М. (2001) Поэтика русской поэзии. СПб. : Азбука-классика.
 Иванов, В. (1976) Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель.
 Лукницкий, П. Н. (1991) Встречи с Анной Ахматовой : в 2 т. Paris : YMCA-PRESS. Т. 1.
 Парнок, С. (1999) Сверстники. М. : Глагол.
 Пушкин, А. С. (1959) Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит-ра. Т. 1.
 Сологуб, Ф. (1975) Стихотворения. Л. : Советский писатель.
 Тынянов, Ю. Н. (1977) Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука. С. 168–195.
 Ходасевич, В. (1982) Собр. стихов : в 2 т. Paris : La Presse Libre. Т. 1.
 Ходасевич, В. (1991) Колеблемый треножник. М. : Советский писатель.
 Шаховская, З. А. (1991) В поисках Набокова. Отражения. М. : Книга.

POETRY BY V. F. KHODASEVICH: FROM SYMBOLISM TO NEOCLASSICISM N. M. Soltseva

(Lomonosov Moscow State University)

The article investigates the formation of neoclassicism in the poetical practice of V. Khodasevich as well as the relation of aesthetic sets with the motifs of his lyric poetry.

Keywords: aesthetics, classicism, lyric poetry, neoclassicism, symbolism, piece of poetry, lyrics, tradition, V. F. Khodasevich.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Bal'mont, K. D. (1969) Stikhotvoreniia. L. : Sovetskii pisatel'.
 Belyi, A. (1990) Soch. : v 2 t. M. : Khudozh. lit-ra. Т. 1.
 Berberova, N. N. (1996) Kursiv moi : Avtobiografiia. M. : Soglasie.
 Blok, A. (1960) Sobr. soch. : v 8 t. M. ; L. : Khudozh. lit-ra. Т. 1.
 Briusov, V. (1973) Sobr. soch. : v 7 t. M. : Khudozh. lit-ra. Т. 1.
 Veidle, V. (1973) O poetakh i poezii. Paris : YMCA-PRESS.

- Voloshin, M. (2008) *Sobr. soch. M. : Ellis Lak. T. 6. Kn. 2.*
- Gippius, Z. N. (1991) *Soch. : Stikhovoreniia. Proza. L. : Khudozh. lit-ra.*
- Gumilev, N. S. (1991) *Sobr. soch. : v 3 t. M. : Khudozh. lit-ra. T. 3.*
- Zhirmunskii, V. M. (2001) *Poetika russkoi poezii. SPb. : Azbuka-klassika.*
- Ivanov, V. (1976) *Stikhovoreniia i poemy. L. : Sovetskii pisatel'.*
- Luknitskii, P. N. (1991) *Vstrechi s Annoi Akhmatovoi : v 2 t. Paris : YMCA-PRESS. T. 1.*
- Parnok, S. (1999) *Sverstniki. M. : Glagol.*
- Pushkin, A. S. (1959) *Sobr. soch. : v 10 t. M. : Khudozh. lit-ra. T. 1.*
- Sologub, F. (1975) *Stikhovoreniia. L. : Sovetskii pisatel'.*
- Tynianov, Iu. N. (1977) *Promezhutok // Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M. : Nauka. S. 168–195.*
- Khodasevich, V. (1982) *Sobr. stikhov : v 2 t. Paris : La Presse Libre. T. 1.*
- Khodasevich, V. (1991) *Koleblemyi trenozhnik. M. : Sovetskii pisatel'.*
- Shakhovskaia, Z. A. (1991) *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia. M. : Kniga.*

Новые книги

Васильева, Н. В. Участие молодежи в принятии общественно значимых решений : монография [Текст] / Н. В. Васильева, С. В. Кочнев. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2012. — 147 с.

Воротников, Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка [Текст] / Ю. Л. Воротников. — М. : Изд. центр «Азбуковник», 2011. — 303 с.

Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации. Раздел: Политические процессы : III междунар. молодеж. науч. конференция. Москва, 26 окт., 18–19 ноября 2011 г. : док. и материалы. Ч. 1 : Правовые и социокультурные основы формирования гражданского общества [Текст] / ред. совет: Вал. А. Луков (предс.) и др. ; под ред. Т. А. Сошниковой. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. — 356 с.

Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации. Раздел: Политические процессы : III междунар. молодеж. науч. конференция. Москва, 26 окт., 18–19 ноября 2011 г. : док. и материалы. Ч. 2 : Гуманитарные основы формирования гражданского общества [Текст] / ред. совет: Вал. А. Луков (предс.) и др. ; под ред. Вал. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. — 320 с.

Журавлев, А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии [Текст] / А. Л. Журавлев. — М. : Ин-т психологии РАН, 2011. — 560 с.

Зацепина, О. С. Русские в США: Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. [Текст] / О. С. Зацепина, А. Б. Ручкин — Нью Йорк Rach-C Press, 2011. — 290 с.

Ковалева, А. И. Общество и личность: Лекции по социологии : учеб. пособие [Текст] / А. И. Ковалева. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. — 204 с.

Ковалева, А. И. Организационная культура производственных предприятий : монография [Текст] / А. И. Ковалева, М. К. Колмыкова. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2010. — 137 с.